

ИДЕЯ “ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА” КАК ОСНОВА ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА С ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ

© 2016 г. Людмила Юрьевна Грудцына¹,
Александр Владимирович Лагуткин²

“Демократический контроль может помешать власти стать диктатурой, но для этого следует потрудиться. Если же демократия решает свои задачи при помощи власти, не ограниченной твердо установленными правилами, она неизбежно вырождается в деспотию”.

Фридрих фон Хайек

Авторы отмечают, что на первый взгляд развитие гражданского общества происходит исключительно в рамках частных интересов, но участие публичной власти и распространение публичных норм на частноправовую сферу (пусть и опосредованным образом) нельзя подвергать сомнению. Проведен небольшой экскурс в историю; сделан вывод о том, что идея “общественного договора” есть основа диалога государства с гражданским обществом.

The authors note that at first glance, the development of civil society within exclusively private interests, but the participation of public power and public distribution of norms on private law sphere (albeit indirectly) cannot be questioned. Held a small excursion into the history; the author concludes that the idea of “social contract” is the basis of dialogue of the state with civil society.

Ключевые слова: идея “общественного договора”, государство, гражданское общество, частный интерес, публичная власть, частноправовая сфера.

Key words: the idea of “social contract”, the state, civil society, private interest, public power, private law sphere.

Современную Россию трудно назвать демократическим правовым государством. По нашему мнению, еще несколько лет, и наша страна окончательно оформится в своих тоталитарных чертах, станет похожей на другие тоталитарные режимы, все еще существующие в современном мире. Перефразируя Л.Н. Толстого, можно сказать, что все тоталитарные государства похожи друг на друга, каждое демократическое государство проходит свой собственный путь развития. Когда-то в начале 1990-х годов надежда и некоторые реальные возможности пройти свой собственный путь демократического развития были и у России.

Что именно представляет собой гражданское общество? Это – “сообщество независимых субъектов (граждан) внутри государства, вырабатывающих моральные и материальные ценности в интересах самого сообщества и государства ... наряду с обострением взаимоотношений между обществом и государством обе стороны совершают шаги навстречу друг другу”³. Это отнюдь не то, что формально выходит за пределы государственных структур. Если, скажем, наблюдается огосударствление общественных институтов, то граница, разделяющая общество и государство, становится аморфной и в той или иной мере смещается в сферу государственной власти (по Гегелю: власти как “неизбежной необходимости” существования гражданского общества), формируя в ней псевдообщественные институты. Примером таких институтов может служить КПСС и советская номенклатура, где в действительности и формировались интересы, на основе которых строились и функционировали государственный аппарат и само государство. Такого рода политический конгломерат появляется всякий раз, когда из-за волевых действий власти (с помощью “вбрасывания” в общество определенной информации), осуществляемых на фоне слабости демократических институтов, естественные границы гражданского общества смещаются, а развитие самих институтов оказывается заторможенным. В современной России это можно наблюдать на примере нынешней партии власти – “Единой России”, основу которой составляет все та же номенклатура, но теперь уже нового типа.

На первый взгляд развитие гражданского общества происходит исключительно в рамках частных интересов, но

¹ Профессор кафедры гражданского права Финансового университета при Правительстве РФ, профессор кафедры административного и финансового права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, член-корреспондент РАЕН, почетный адвокат России (E-mail: ludmilagr@mail.ru). Lyudmila Grudtsyna, professor of Civil law chair of Financial University under the Government of the Russian Federation, professor of chair of the administrative and financial law of Russian economic University G.V. Plekhanov, Doctor of Law, member corresponding of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorable lawyer of Russia (E-mail: ludmilagr@mail.ru).

² Профессор кафедры административного и финансового права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, действительный член РАЕН, председатель отделения “Проблемы управления” РАЕН, адвокат МГКА “Московская гильдия адвокатов и юристов” (E-mail: a-lagutkin@yandex.ru). Alexander Lagutkin, professor of chair of the administrative and financial law of Russian economic University G.V. Plekhanov, Doctor of Law, full member of the Russian Academy of Natural Sciences, chairman of office “Problems of management” of the Russian Academy of Natural Sciences, lawyer of MGKA “Moscow Guild of Lawyers and Lawyers” (E-mail: a-lagutkin@yandex.ru).

³ Лагуткин А.В. Россия на распутье: куда пойдем? М., 2014. С. 3.

участие публичной власти и распространение публичных норм на частноправовую сферу (пусть и опосредованным образом) нельзя подвергать сомнению. Как верно отметил Н.М. Коршунов, “частные и публичные интересы очень часто совпадают, и это делает их использование в качестве надежного критерия разграничения частного и публичного права весьма затруднительным”⁴.

С одной стороны, многие публично-правовые нормы, да и функции публичного права в целом в значительной мере направлены на защиту частных интересов⁵. С другой стороны, любая правовая норма, устанавливающая частноправовые основы каких-либо общественных отношений, по природе своей является публичной хотя бы потому, что, во-первых, санкционируется государством и становится частью национального законодательства, во-вторых, не может противоречить и угрожать самой государственной системе и природе государственного управления.

Государство – многогранное явление, не только охватывающее сферу публичных интересов, но и “проникающее” во все пласты общественной жизни индивида. Например, жизнь гражданина в России будет отличаться от жизни местного населения в Германии, и разница будет не только в этнопсихологии, но и в модели существующих в странах политической и правовой систем. Например, С.С. Алексеев пишет о том, что развитие правовых систем идет в основном в одном направлении: происходит взаимное обогащение права и в конечном счете своеобразная интеграция в праве, при которой правовые системы соединяются в целостные правовые образования, юридические конструкции⁶. Такая конвергенция, отражающая закономерность развития национальных правовых систем, не ведет к нивелированию методов правового регулирования, поскольку никакого растворения частного права в публичном праве и наоборот не происходит.

Вспомним Гегеля, у которого государство – многоплановое явление, охватывающее различные сферы человеческой жизни, а не только аппаратно-управленческую и политическую. Обретение индивидом человеческого (нравственного) облика и объективация его как гражданина (в частности, законодательное наделение правами) возможны только в государстве⁷. Соответственно, на наш взгляд, само наделение государством – с помощью принятия соответствующих законов – индивида правами и свободами, а также обязанностями уже является актом проявления публично-правовых начал, что в то же время не исключает частноправового характера самих прав и свобод, которыми индивид наделяется. Гегель, разделяя государство и гражданское общество на сферу всеобщих и сферу частных интересов, настаивает на их органическом единстве и взаимопроникновении: “По отношению к сферам частного права и частного блага, семьи и гражданского общества государство есть, с одной стороны, внешняя необходимость и их высшая власть, природе которой подчинены и от которой зависят их законы и их интересы; с другой стороны, оно есть их имманентная цель, и его сила – в единстве его всеобщей конечной цели и особенного

интереса индивидов, в том что они в такой же степени имеют обязанности по отношению к нему, как обладают правами”.

Гегель рассматривает государство как единый организм, целостную систему, не сводимую только к власти и тем более к управленческому аппарату. Вот что он прямо говорит по этому поводу: “Государство есть организм, т.е. развитие идеи в свои различия. Эти различные стороны образуют различные власти, их функции и сферы деятельности, посредством которых всеобщее беспрестанно необходимым образом порождает себя, а поскольку оно именно в своем порождении предпослано, то и сохраняет себя. Этот организм есть политический строй: он вечно исходит из государства, так же как государство, в свою очередь, сохраняется благодаря ему; если оба они расходятся, если различные стороны становятся свободными, то единство, которое их порождает, больше уже не положено. К ним применима басня о желудке и других частях тела. Природа организма такова, что если не все его части переходят в тождество, если одна из них полагает себя самостоятельной, то погибнуть должны все”⁸.

В переводе на русский язык демократия означает “народоправство” (не путать с “народоуправством”), которое, по мысли И.А. Ильина, предполагает в народе способность не только вести государственную жизнь, но именно править государством. Для этого народу необходимо уверенное и живое чувство государственной ответственности: “от того, что я делаю, как я держу себя и за что голосую, зависит судьба моего народа, моего государства, моя собственная, моих детей и внуков; за все это я отвечаю; все это я должен делать по чести и совести... Во-вторых, народоправство неосуществимо без свободной лояльности и без элементарной честности. Народ, не научившийся чтить закон и добровольно соблюдать его за совесть, не будет уважать ни своего государственного устройства, ни им самим изданных законов; всяческое правонарушение окажется основной формой его жизни, и во всех делах его водворится “черный рынок”. Мало того, этот народ окажется неспособным ни к контролю, ни к суду, ни к принудительным мерам, ни к мобилизации своей армии, ибо в основе всего этого лежит добровольное закононаблюдение, чувство долга и неподкупность... В-третьих, народоправство требует от народа государственно-политического кругозора, соответствующего размерам страны и державным задачам этого народа... В-четвертых, народоправство требует от народной толпы известных знаний и самостоятельного мышления о známом. В-пятых, народоправство осуществимо только там, где народу присуща сила личного характера”⁹.

Именно сейчас, в начале XXI в., мы стали свидетелями начала глубоких противоречий между определенными сегментами общества и государством. Отсутствие объединяющего консенсуса чревато самыми непредсказуемыми действиями со стороны как власти, разучившейся за последние десятилетия слушать и слышать общество, так и наиболее активных членов общества. Следуя совету Ф. Хайека, *нужно потрудиться*, чтобы найти объединяющую власть и общество идею – основу совместного сосуществования государственной власти и общества свободных индивидов на общей территории. А эта идея уже была найдена два века тому назад. Нужно просто захотеть и суметь применить ее к современным условиям.

Проведем небольшой экскурс в историю. Первым философом Нового времени, ясно сформулировавшим подробную теорию общественного договора, был **Томас Гоббс** (1588–

⁴ Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М., 2011. С. 24.

⁵ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 37; Тихомиров Ю.А. Публичное и частное право / Общая теория государства и права. Академический курс. М., 2009. С. 255.

⁶ См.: Алексеев С.С. Линия права. М., 2006. С. 114.

⁷ См.: Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. М., 2011. С. 35, 36.

⁸ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 287.

⁹ Ильин И.А. Наши задачи. Волгоград, 1997. С. 29, 30.

1679). Согласно Гоббсу жизнь людей в “естественном состоянии” была “одиноким, бедной, неприятной, жестокой и короткой”. Это было состояние, где личный интерес, отсутствие прав и соглашений препятствовали развитию общества. Жизнь была “анархичной” – без управления и суверенности. Люди в “естественном состоянии” были аполитичны и асоциальны. Такое “естественное состояние” имеет следствием появление общественного договора¹⁰.

Общественный договор был “событием”, когда люди объединялись и отказывались от своих естественных прав так, чтобы другие смогли отказаться также и от своих (например, лицо А отказывается от права убить лицо Б, если лицо Б делает то же самое. Таким образом, А и Б остаются живы). Это привело к созданию общества и в дальнейшем – государства или суверенного образования, которое должно было защищать возникшие новые права, регулирующие социальное взаимодействие. Таким образом, общество больше не находилось в состоянии анархии.

Джон Локк (1632–1704) считал, что человек в естественном состоянии морально менее ограничен в своих действиях, но признавал, что люди жили бы в страхе друг перед другом. Частные лица согласились бы сформировать государство, обеспечивающее “нейтральное судейство”, которое защищало бы права на жизнь, на свободу и на собственность тех, кто жил бы в пределах этого государства. В то время как Гоббс приводил доводы в пользу почти абсолютной власти, Локк утверждал в своем “Втором трактате о правлении”, что законы могут быть законными, только если они направлены на достижение общего блага, а люди будут действовать справедливо только в группах, и что у всех людей есть естественные права.

В своем знаменитом сочинении, посвященном общественному договору, Жан-Жак Руссо (1712–1778) отмечал недостаточность того, чтобы народ, собравшись, один раз установил государственное устройство, санкционировав свод законов, а также установление им постоянного правительства и единовременного выбора должностных лиц раз и навсегда. Ж.-Ж. Руссо настаивал на необходимости “проведения определенных периодических собраний, которые ничто не могло бы ни отменить, ни отсрочить, чтобы в определенный день народ был законно созываем и чтобы для этого не было необходимости в каком-либо ином формальном созыве”¹¹.

Далее Руссо своеобразно сформулировал суть социального (публичного) контроля через определение “повестки дня” подобных собраний. В частности, он писал: “Открытие таких собраний, которые имеют предметом только сохранение общественного договора, должно начинаться двумя предложениями, которых никогда нельзя отменить и которые должны голосоваться каждое отдельно. Первое: “Угодно ли суверену сохранить существующую форму правительства?”. Второе: “Угодно ли народу оставить управление в руках тех, на которых оно теперь возложено?”¹². Анализируя эти тезисы в контексте всей книги Руссо, можно с большой степенью уверенности полагать, что описанный способ поддержания суверенной власти он считал одним из истинных принципов политического права.

В России XVIII–XIX вв. эти идеи подхватили (но тогда в полной мере не были услышаны и поняты интеллигенцией – основой гражданского общества того времени) сначала А.Н. Радищев, а затем спустя 70 лет А.И. Герцен и декабристы (Пестель, Муравьев-Апостол).

А.Н. Радищев, опираясь на концепцию естественного состояния Ж.-Ж. Руссо, подчеркивал, “что человек есть существо общественное и созданное, чтобы жить в обществе себе подобных”¹³. Делая важный вывод о таких естественных правах человека, как жизнь, воля и безопасность, А.Н. Радищев говорил о праве суверенного народа разорвать узы порабощения, освободиться от обязанности соблюдать “общественный договор”, если законы, принятые государством, и его власть не были употреблены в пользу народа¹⁴.

Иными словами, “общественный договор” признавался как необходимая и полезная для сосуществования государства и общества вещь. Другое дело, что его нарушение государством согласно логике А.Н. Радищева дает право другой стороне договора (обществу) на ответное несоблюдение взятых на себя обязанностей. Иными словами, действие такого договора возможно только при добросовестности обеих сторон; нарушение своих обязанностей любой стороной, по сути, влечет расторжение договора. Но к чему оно может привести?

На наш взгляд, к хаосу и откату назад, а значит, конструкцию “общественного договора” нужно было доработать и дополнить новыми условиями. И такая “доработка” произошла еще через 100 лет, ведь, как известно, история развивается по спирали.

Проблема контроля народа над (за) деятельностью советского государства весьма кардинально, в свойственном ему революционном стиле была решена В.И. Лениным¹⁵: в качестве главных целей демократического, гласного контроля народа В.И. Ленин выдвигал борьбу с бюрократизмом, с его поползновениями на обособление от народа и попытками встать над ним, недопущение узурпации власти государственным аппаратом¹⁶.

“Контроль без власти, – писал В. И. Ленин, – есть пустейшая фраза. Для того, чтобы контролировать, нужно иметь власть”¹⁷. Таким образом, социальный контроль выступает здесь в качестве одной из форм реализации суверенитета народа. И если в фундаменте как фактической, так и писаной конституции страны мы хотим иметь принцип народовластия, то и полноценным субъектом права контроля за органами государственной власти (государством как таковым) следует признать народ в целом¹⁸.

Итак, сама идея “общественного договора” (социального контракта) не нова. Важен способ ее реализации. Сегодня правильно сформулированная идея социального контроля (народовластия), на наш взгляд, станет спасительной для страны. И здесь мы неизбежно возвращаемся к истокам философских идей о гражданском договоре и суверенной власти народа, сформулированных сначала Т. Гоббсом и Дж. Локком, а затем Ж.-Ж. Руссо¹⁹.

См.: Лагуткин А.В. Указ. соч. С. 3.
См.: Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. М., 1938. С. 78, 79.
Там же. С. 88.

¹⁰ См.: Лагуткин А.В. Указ. соч. С. 3.

¹¹ См.: Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. М., 1938. С. 78, 79.

¹² Там же. С. 88.

¹³ Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 476.

¹⁴ См.: Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 282.

¹⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 19; Т. 40. С. 127, 128; Т. 45. С. 386.

¹⁶ См.: там же. Т. 36. С. 206.

¹⁷ Там же. Т. 31. С. 345, 346.

¹⁸ См.: Аюпов Л.В. Контроль в управлении государством (Конституционно-правовые проблемы). Дисс. ... доктора юрид. наук. Ростов-н/Д., 2002. С. 32.

¹⁹ См.: Лагуткин А.В. Великая иллюзия демократии. М., 2014.

Осмысливая сейчас эти идеи, родившиеся более 400 лет назад и все еще будоражащие умы людей, можно сделать ряд важных выводов. Самый общий, но и самый важный вывод состоит в том, что история не придумала ничего лучше и действеннее, чем идея “общественного договора”. Ведь все взаимосвязано: если государство и общество договорятся “жить дружно”, государство постепенно приобретет черты правового, а в правовом государстве власть подчинена праву. Развитое правовое государство объективно служит интересам гражданского общества, которое, в свою очередь, стимулирует развитие демократического государства и осуществляет контроль за его деятельностью, так как в некоторых областях государство не в состоянии обойтись без поддержки институтов гражданского общества. Гражданское общество способно обеспечить демократический порядок формирования органов государственной власти и органов местного самоуправления. Казалось бы, – идиллия.

Вместе с тем разница между реализацией идеи общественного договора в XVIII–XIX вв. и возможностью ее реализации в современной России весьма велика. Напомним, что идея “общественного договора” и широкое распространение теорий естественного состояния человека, возникнув примерно за 100 лет до великих буржуазных европейских революций, не только стали важным катализатором прокатившихся по Европе революций, падения феодальных монархий, но и завершили смену эпох – позднее Средневековье (идея божественного происхождения государственной власти) сменилось Новым временем. В XVIII в. изменяются прежние отношения между сословиями, рыцарство приходит в упадок, крупные феодалы гибнут в войнах друг с другом и с королями, духовенство утрачивает большую часть власти и влияния. Крестьяне доводятся до крайней нищеты, многие из них лишаются всякой собственности и превращаются в наемных работников. Европу раздирает беспощадная борьба католиков и протестантов, тесно переплетающаяся с национальными и классовыми противоречиями. Начинают ломаться и меняться поведенческие программы не только различных сословий и классов, но и целых государств. Наиболее устойчивыми оказались лишь позиции городской буржуазии и находившегося в союзе с ней централизованного государства.

И дело здесь не только в буржуазных европейских революциях, прощании с идеалами позднего Средневековья, не только в острейшем социальном кризисе, который поразили ведущие европейские державы того времени, дело еще и в принципиально новой социальной (классовой) структуре (и мировоззрении) современного российского общества, еще аморфной и неоформившейся, пришедшей на смену советскому строю, искалечившему, по моему мнению, несколько поколений. После распада СССР была перестроена система классов российского общества. Прежняя советская номенклатура “переродилась” и заняла по-прежнему высокие места и позиции в новом хаотичном обществе новой России. Сейчас, по сути, сформирована новая феодальная иерархия (называть можно по-разному, но основные принципы феодального строя, оформившегося в позднем Средневековье, у нас сохранились и сейчас, в 2013–2015 гг.).

Важное отличие понимания и реализации идеи “общественного договора” в XVIII в. от условий его заключения и реализации сегодня в России состоит в том, что тогда исторически важным был шаг от понимания “божественного происхождения” государственной власти к ее более “приземленной” природе – служить своим гражданам, быть “для” них, а не “самой для себя”. Именно в то время оформился институт частной собственности, владение которой весьма быст-

ро изменило сознание и поведение собственников, ставших “независимыми” от государства, готовых бороться с кем бы то ни было за свои земли и поместья. И теория “общественного договора” очень кстати стала востребованной. Ведь в нем можно было закрепить права и обязанности заинтересованных сторон: лишенное “божественного происхождения” государство в лице уполномоченных органов защищает права и свободы своих граждан, которые в обмен на защиту и покровительство платят налоги, соблюдают запреты, несут права и обязанности. Таким образом, гражданское общество того времени возникало и развивалось как продукт соглашения между государством и осознавшими свою свободу и ответственную независимость от государства индивидами.

Современная же ситуация несколько иная: гражданское общество как результат взаимодействия индивидов друг с другом, как любая сложная система является не просто совокупностью (арифметической суммой) этих индивидов. Возникшая в их взаимодействии “общность” обретает новые качественные характеристики, совершенствуя и усложняя собственную природу, начинает жить по своим собственным законам. Иными словами, гражданское общество в России уже есть, пусть и в зачаточном состоянии, но это – качественно новая система, с которой должно считаться государство (в отличие от XVIII в., когда само рождение гражданского общества стало результатом заключения “общественного договора”). И это гражданское общество начинает “дорастать” до того, чтобы “осознать” себя, понять свою собственную ценность и важность, самостоятельность и право на диалог с государством.

Здесь мы вплотную подходим к важному вопросу – личной чести индивида как субъективной характеристики его и важной части сложной системы гражданского общества. В позднем Средневековье и даже в Новое время вопрос о личной чести как правовой категории (а значит, об обязанности государства защищать честь индивида) в силу ряда исторических моментов в таком контексте еще не мог быть поставлен. В этом смысле стоит сделать реверанс в сторону религии. Ведь с введением христианства понятие “личная честь” стало распространяться на всех людей, независимо от их социального статуса²⁰. Таким образом, еще раз подчеркнем “разность” идеи “общественного договора” в XVIII–XIX вв. и предлагаемой нами идеи современного “общественного договора” (социального контракта). Помешенное в скобки понятие “социальный контракт”, во-первых, придает самой идее современное звучание, во-вторых, находится в скобках неспроста. Контракт предполагает наличие у сторон, его заключающих, четко обозначенных прав и, главное, обязанностей. В нем также прописан правовой механизм действий каждой стороны в случае нарушения условий контракта контрагентом. Условие о гарантировании государством защиты личной чести индивида как части структуры гражданского общества должно стать важным пунктом данного контракта. И, конечно же, в контракте должны быть прописаны права и возможности гражданского общества в случае несоблюдения государством взятых на себя обязательств.

Конечно, заинтересованность у контрагентов в заключении социального контракта неодинакова. Если гражданское общество рано или поздно в полной мере осознает эту необходимость и важность для дальнейшего развития государства и общества, то контрагент – государство с подписанием контракта, думается, спешить не будет. Единственный

²⁰ См.: *Марей А.* Почему сегодня человеческое достоинство? История формирования в обществе понимания личности // Новая газета. 2013. 7 июня.

вариант – привлечь всю необходимую аргументацию, начать широкую дискуссию в прессе, привлечь государство к обсуждению этой важной проблемы.

Природа любой государственной власти (и Россия здесь не исключение) – в рефлексивном стремлении к самосохранению. Именно это необходимо “использовать” в налаживании диалога с властью предрешающими: тревогу власти, начавшуюся в декабре 2011 г. после, считаю, фактически нелегитимных президентских выборов, необходимо усилить. Именно это и сделает власть более гибкой, а значит, у страны есть шанс демократического развития в XXI в.

Некоторые выводы:

1) способность общества к контролю над властью – это признак развитого гражданского общества, и только при условии существования такового государство становится правовым. В таких условиях общественный контроль за деятельностью государственных органов представляется необходимым институтом, с помощью которого в первую очередь обеспечиваются охрана и защита прав и свобод человека;

2) “Общественный договор” (социальный контракт) может и должен выступить в качестве нового способа обоснования легитимности государственной власти. Поскольку государство образовано волеизъявлением свободных и независимых индивидов, основное предназначение его – быть “для” своих граждан, обеспечивая соблюдение их неотъемлемых прав и свобод;

3) “Общественный договор” предполагает ответственность государства перед гражданами. Если оно не выполняет своего долга перед людьми, если нарушает естественные свободы, люди вправе бороться против такого государства. “Общественный договор” призван обеспечить равновесие интересов личности и государства, их “скрепленность” взаимными правами и обязанностями;

4) следует четко понимать различие между “общественным договором” в XVIII в. и современной его моделью (социальным контрактом). Если в период позднего Средневековья и в Новое время заключение “общественного договора”, по сути, прекратило “войну всех против всех”, которая (в том числе) была невыгодна и самому государству, индивиды, приобретшие собственность и относительную независимость от государства, стали договариваться друг с другом. Таким образом зарождались частноправовые отношения, в которых государство не доминировало, но лишь регулировало границы этих отношений. Сейчас же сообщество свободных индивидов (гражданское общество) уже сложилось. Частноправовые отношения развиваются и воспринимаются определенными социальными группами российского общества как должное. Это не “война всех против всех”!

Когда благосостояние людей растет, когда открыты границы и можно получить образование, когда можно читать книги и думать, свободный индивид все чаще задается вопросом: почему те или иные нарушения, допускаемые государственной властью, остаются безнаказанными? И происходит еще не до конца осознанное объединение мыслящих людей в некую “продвинутую” группу (верхний слой) гражданского общества, которая активно начинает самоорганизовываться, объединяться и укрепляться, что создает неизбежную опасность для власти. При этом велика также опасность того, что власть целенаправленно начнет “распылять” внимание верхнего слоя гражданского общества, разобщать индивидов, возможно, срачивать различные слои гражданского общества друг с другом, возвращать, таким образом, их к состоянию “войны всех против всех”. Ведь в подобном состоянии мы не сможем быть едины, слышать, слушать и уважать друг друга. А значит, мы перестанем быть гражданским обществом, чего допустить нельзя.